

... Их маленький уютный домик стоял одновременно в тупичке и на перекрёстке. Своим огородом он упирался в высокую стену маслозавода, а всеми окошками смотрел на угол, где сливались две дороги. Перед окнами рос раскидистый клён, а дорожка из палисадника вела к сениям и крылечку, на котором они любили засиживаться в тёплые тёмные летние ночи.

Кира вдохнула знакомый запах волос, потянулась руками к любимому...

... И проснулась в обнимку с подушкой мужа.

В окна светило ясное зимнее солнце, его лучи отражались в обновлённом белоснежном покрове и высвечивали по-особенному празднично потолок и стены. Завтра Новый год!

Ощущения от сна, в котором ей привиделся бабушкин дом, ещё не рассеялись, и Кира нежилась в постели, наслаждаясь непривычной тишиной.

Чтобы дать ей сделать традиционную предпраздничную уборку, да и просто побыть одной, Вадим утащил сыновей на товарищескую банную встречу. Каждый год они ныли, чтобы папа взял их с собой и вот наконец доросли!

Кира улыбнулась, вспомнив, как серьёзно её мальчиши помогали вчера вечером укладывать отцу весь необходимый инвентарь: запасные носки, потому что

будет ещё горка и футбол, бельё, полотенца и войлочные шапки для бани и главное – специальные маленькие веники, которые Вадим ещё с лета заготовил, планируя это первое посвящение сыновей в злые парильщики.

Кира откинула одеяло, всунула ноги в меховые домашние сапожки и прямо в пижаме направилась на кухню. Улыбка, посетившая её ещё во сне, теперь не сходила с лица. Кире казалось, что и внутри она вся светится и улыбается. Особенно в такие редкие тихие утра, когда Вадим, спасая её от суеты, забирал мальчишек с собой, когда ей не надо было везти одного в музыкалку, а другого на тренировку, а потом обоих на английский – младший ни в чём не хотел уступать старшему, – она чувствовала себя абсолютно счастливой женой и мамой.

Вскипел кофе, разнося пикантный аромат по всей квартире. Кира достала свою «праздничную» чашку с золотыми краями, чем-то похожую на раскрывшийся цветок лотоса, уютно устроилась за столом и, грызя крекеры, запивая их кофе, стала листать гранки новой книги стихов. Но мысли, которые отвлекались то на приготовленные подарки, то на дела, которые ещё предстояло сделать и не забыть, не давали сосредоточиться. Кира отложила выискивание ошибок на потом, всё равно впереди каникулы и раньше середины января вряд ли исправленные гранки потребуются в типографии.

– Мороз и солнце, день чудесный!.. Пора, красавица, пора! – пропела себе Кира и занялась привычными делами по упорядочению быта.

Она была изящна, легка на подъём и совсем не тяготилась этой домашней работой. Более того, когда руки были заняты, а голова свободна, часто в ней начинали кружиться поэтические строчки, а бывало, рождались и целые стихи. Сейчас, расхаживая с мокрой тряпкой, Кира представляла, как сыновья, розовощёкие и довольные, вернутся домой, как завтра утром Вадим примется за установку ёлки, а они с мальчишками усядутся лепить пельмени. Младший, Данилка, по унаследованной от неё бесшабашности, будет с головы до ног в муке, а Антон на правах старшего будет строжиться над ним. Как они будут хохотать до упаду, вспоминая самые смешные случаи за год.

– Мама, мама, а помнишь, как мы в зоопарк ходили и Антон поросёнка испугался? – это Данилка. И действительно, они зашли на площадку к молодняку, и Антон потянулся к поросёнку, а тот неожиданно завизжал как резаный.

– Ой, а сам-то! – это Антон. – Мам, ты помнишь, как он коленку чужой тётеньке чесал?

И они в красках со смехом станут вспоминать, как летом ехали в переполненном автобусе и у неё безумно зачесалась нога, но дотянуться не было никакой возможности, и Кира шепнула стоящему перед нею Данилке, чтобы он почесал ей коленку. А тот, витая где-то в облаках, наугад стал чесать первое, что попало под руку.

Кира и сейчас фыркнула, вспомнив удивлённое до изумления лицо

дамы, чью коленку старательно когтил Данилка. Боже, как же она любила своих вихрастых, шумных, талантливых, таких похожих на неё сыновей!!!

Оценивающим взглядом Кира окинула дышавшую свежестью квартиру.

– Ну, вот и всё! Делов-то, – довольная, подумала она и уже повернулась, чтобы пойти разложить на просушку тряпки и щётки, как за спиной что-то зашуршало и бухнулось.

На влажный ещё пол ссыпалась грудa книжек. Книги в их доме, годами укладываясь столбиками вдоль стены зала, доросли почти до потолка и в конце концов таки сыпанулись в самый неподходящий момент.

– Почему-то я не удивлён! – вспомнила Кира фразу мужа. Этим ироническим рефреном он сопровождал все её рассказы о нелепых случайностях, в которые она мастер была попадать.

По чистому полу из книг разлетелись закладки, разного цвета, размера и качества бумажки с её заметками и легче лёгкого рассыпались цветочки и травинки, которые она тоже имела привычку засовывать в книги.

– Вот же зараза, – ругнулась Кира, ползая по полу, собирая и укладывая книги кирпичами в прежнюю стеночку.

На глаза ей попало несколько листочков прозрачной, почти папиросной бумаги, сложенных вчетверо. Она развернула их и ахнула.

– Надо же! – это были черновики её нескольких давних писем, безвозвратно утерянных в ремонтах и переездах.

Кира уселась на пол и стала чи-

тать, щурясь и пытаясь разобрать расплывающиеся от дрожания пальцев буквы.

«Милостивый государь! Благодарствую за полноценное почтовое известие о вашем житье-бытье!

Любимый, скачу козой и радуюсь, что ты скучаешь и льёшь крокодильевы слёзы по мне. Учись, друг мой! Учёба – свет. Да и сколько осталось-то? Защищишься и приедешь учёным мужем. А то был бы у меня муж неучёный! Я люблю тебя, ах, если бы ты только представлял, КАК люблю тебя! Я могу писать тебе бесконечно. Хочу писать тебе бесконечно! Стоит мне закончить одно письмо, как не терпится начать другое. Я думаю о тебе постоянно. Всегда и всюду...»

«...Вы спрашиваете, сударь, моего высочайшего разрешения поразмять кости на дискотеке «с девочками курса», как вы изволили выразиться? Даже и не знаю, как быть в такой непростой ситуации... если вы ручаетесь, что будете разминать исключительно ваши нижние конечности, потупя очи долу, и не дадите волю рукам, соблазнившись «курсистками», то так и быть – дозволяю!

Кроме того, докладываю. К вашей маман с содроганием, но заскочила, наше совместное фото отдала. Была с пристрастием допрошена о планах на будущее. Наплела про то, что литература, конечно, не накормит, пойду работать в школу. Чем заслужила одобрительную улыбку. Об остальном я молчала как партизан, так что наша тайна по-прежнему только НАША. Жду тебя, дорогой! Очень! Очень! Очень!»

«...Ты спрашиваешь: пишутся ли стихи? Да, понемножку-потихоньку

пишутся. Боюсь сказать. Но вот – тебе – о тебе – от меня...

Знаешь, просто будь!

Радостный и грустный,
Молодой – и нет,
рядом – и вдальи.

В сердце у меня
не бывает пусто –

Даже под дождём,
на краю земли,
Оттого, что в нём

Ты и днём, и ночью,
Всё сказавший мне
раз и навсегда...

Хорошо, что я –
далеко. А, впрочем,
Сблизят нас навек
Годы и года.

От любви моей –
Никакого толку:

Маюсь на ветру,
осень торопя...
Знаешь, просто будь!

Долго.

Долго.

Долго.

Это всё, что мне
Нужно от тебя*.

В дверях весело зателинькал звонок. Кира торопливо вложила письма в первую попавшуюся книгу, улыбнулась, приготовившись отвечать на шутки, что библиотека когда-нибудь её погубит, сказала про себя «Вадим» и пошла откручивать.

Они были женаты уже 10 лет, но каждый раз Кира боялась, что ошибётся и назовёт мужа именем того, кому написаны были эти письма, кто навсегда остался в домике на перекрёстке. В темноте летней ночи.

* стихотворение Л. Свирской